

ПОСЛЕ ПРЕМЬЕРЫ

ЕНГИЗ Махарадзе — человек Идеи. Наблюдая его вот уже несколько лет, все больше убеждаюсь в том, что он еще и человек Слова. От сезона к сезону главный режиссер Челябинского тюза с завидным упорством воплощает на сцене свою Идею театра, невзирая на скепсис и непонимание официальных инстанций.

Махарадзе давно придумал модель театрального храма и по крупяцам модель эту воплощает. Прежде всего в подборе репертуара. Ни в одном тюзе вы не встретите подобной афиши. Нет, она не избавлена от тюзовского «ширпотреба»: актеры довольно часто зарабатывают дежурными «Котом Леопольдом» и «Винни-Пухом», на которых в неимоверном количестве стоят «латки» вводов. Но лицо Челябинского тюза спектакли эти не определяют и, к счастью, не выставляются для профессионального критического разбора. Челябинский тюз уникален другим репертуаром — выстраданным и логически выстроенным главным режиссером.

Махарадзе «коллекционирует» жанры. И как опытный коллекционер, он скрупулезно подбирает сценический материал. Итальянская комедия масок оживает на челябинских подмостках в редко ставящейся у нас пьесе К. Гоцци «Король-Олень»; японская притча «Журавлиные перья», открытая широкому театральному зрителю только сегодня (она одновременно появлялась на нескольких сценах), в Челябинском тюзе пьеса Д. Киноситы поставлена семь лет назад, и в спектакле актеры используют приемы традиционного японского театра Но. Театр абсурда, широко осваиваемый сегодня у нас, представлен пьесой венгра Д. Шпиро «Куриные головы». Это последняя премьера театра, спектакль, после которого разгорятся некороткие диспуты, стоит или не стоит жить дальше после такого увиденного (в слово «такого» вкладывается смысл в зависимости от зрительского мироощущения). Излюбленный жанр любителей театра — мелодраму — можно увидеть в спектакле по «собачьей» пьесе А. и Л. Чутко «Овраг» с подлинными высокими слезами, нервной атмосферой и глубокими чувствами. Событие в театральном Челябинске — «хрустальная» «Золушка» (пьеса Т. Габбе), озарывающая красотой. А еще об одном — эталном — спектакле остались только воспоминания и желание увидеть его вновь. Это ритуальная драма К. Скворцова «Легенда о Чудях», в которой воссоздавались обряды древнего уральского племени, быть может, впервые в стране использовалась как основной прием шаманская голосовая техника.

В эту галерею спектаклей Т. Махарадзе органично включаются две экспериментальные работы московского режиссера Н. Косенковой «Соната для актера» (коллаж сцен и монологов из В. Шекспира, редко мерцавший на афише театра и, к сожалению, вы-

черкнутый из нее) и «Трубачи и трубочисты» (пьеса драматурга из Симферополя В. Чепурина), балаганный спектакль-кадриль в духе соц-арта, недавно заживший на сцене Челябинского тюза второй, официальной (удачной ли?) жизнью. Новый сезон в отремонтированном здании, которого театр ждет уже около трех лет, Маха-

КОЛЛЕКЦИЯ ЖАНРОВ ИЛИ АРТИСТОВ?

На
спектаклях
Челябинского
тюза

радзе предполагает открыть страстной «Кровавой свадьбой» Ф. Г. Лорки.

Уловив закономерности формирования репертуара, можно строить прогнозы. Наверное, скоро придет время классицистской трагедии, а за ней и черед комедии «плаща и шпаги». Не будем загадывать.

К маскараду театральных ликов, карнавалному хороводу всевозможных стилей и жанров Театра, театру вселенскому, — вот к чему стремятся челябинцы на своих подмостках. Воссоздавая театральный стиль определенной эпохи, Челябинский тюз не занимается археологическими раскопками и далек от музейности. Его спектакли — это отнюдь не застывшая форма, а живой организм со своими взлетами и падениями, удачами и провалами, достоинствами и недостатками. Взяв на себя смелость заявить подобный репертуар, коллектив обязан соответствовать ему. Из проблем, возникающих перед театром в связи с этим, хочется отметить проблему сохранения спектаклей.

Актеры Махарадзе «избалованы» работой с высокопрофессиональными педагогами-постановщиками (есть чему позавидовать иным столичным артистам). И не просто с высокопрофессиональными, а педагогами-новаторами. На новаторство и эксперимент у Махарадзе чутье. Звучанием голоса и его техникой с челябинскими актерами занималась по своей системе Н. Косенкова, известный бунтарь-экспериментатор (именно в театре Махарадзе она получила боевое крещение как режиссер-постановщик). Вот уже несколько лет музыку к спек-

таклям главного режиссера пишет композитор-авангардист С. Голыбина, начавшая свое сотрудничество с Челябинским тюзом с «Легенды о Чудях». Позже с легкой руки Косенковой в театр пришла балетмейстер Г. Калюшина и в спектаклях «Трубачи и трубочисты», «Золушка» показала грациозное мастерство и ошеломляющую выдумку.

И в буйстве карнавала жанров очень важна скрупулезность, чтобы буйство это не выглядело любительством. К примеру, работая над «Журавлиными перьями» в стиле театра Но, необходимо разучить минимум приемов этого театра, чтобы зритель почувствовал себя погруженным в реально иной театральной системы. Однако основную информацию о ней зал черпает из мастерской игры В. Егорова (Содо), а все остальное в спектакле — на уровне красивого жеста. Наблюдая за «Королем-Оленем» и получая удовольствие от желания актеров импровизировать в заданной сценической модели (согласно принципам комедии дель арте), чувствуешь все же занавес между сценой и залом. Абсурдистская драматургия Шпиро требует выявления логики абсурда. К сожалению, работа над этим спектаклем остановилась на раскрытии первого (в драме абсурда не основного) плана пьесы.

«Золушка» «обманула» все ожидания. Уж сколько «Золушек» ни смотрели, красивее не видели. Челябинцы отдали своему спектаклю столько души и внимания, которого редко удастаиваются детские спектакли. «Золушка» у челябинцев — игрушеч-

ный домик, построенный из тюля. Из легкости и изящества этого спектакля рождается опасная его хрупкость, зыбкая атмосфера, готовая улечься вот-вот. Синтез музыки С. Голыбиной, сценографии Т. Сельвинской, хореографии Г. Калюшиной и постановочных эффектов, которого добивался постановщик Махарадзе, далеко не полный. Отдельные компоненты спектакля так и смотрятся как нечто отдельное — и в этом главный недостаток постановки.

За решением постановочных задач у Махарадзе часто не остается времени для главного действующего лица театра — актера. Актеры как бы предоставлены сами себе (особенно в последних работах). Это обидно. Рискну утверждать, что в Челябинском тюзе прямо-таки дефицит на актерские удачи. Но для такой перспективной труппы их действительно мало: М. Пермякова в роли Старухи («Куриные головы»), Н. Антонова в «Овраге», «Золушке» (Крошка, Гортензия), А. Мишуков — Тарталь («Король-Олень»), В. Егоров — Содо («Журавлиные перья»), С. Любимов в «Глухом Гонзе» (Принц — Принцуженка). На спектакле «Трубачи и трубочисты» остро ощущаешь актерский потенциал челябинцев, понимаешь, насколько интереснее они играли бы в других спектаклях, работая с ними режиссер индивидуально.

Вот и получается: в театре — прекрасный руководитель и талантливый постановщик, интересно мыслящий хореограф, с театром сотрудничают замечательный композитор и не менее замечательный сценограф, а второго режиссера, без которого не обходятся даже мастера-постановщики, нет. Необходимо заполнить этот вакуум. Сыграет ли Антонова не просто «как всегда хорошо», а блестяще, будут ли неожиданны В. Егоров и А. Мишуков в «Кровавой свадьбе»? Уповаю на мудрого Махарадзе.

Эльшан МАМЕДОВ.
Фото Валерия Жиролова.